

УЧТЕНО
1949
И Л

№
2-й

ГОЛОС

1-го апреля
1920 г.

изд. год 1-

МАКСИМАЛИСТЪ

Орган Амурского Союза Соц.-Рев. Максималистов.

ИЗДАНИЕ НЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ.

Вся власть, вся земля, фабрики и заводы трудящимся!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРУДОВАЯ РЕСПУБЛИКА!

гор. Благовещенск.

Привет 8-му Съезду Трудящихся.

Братья труда!

Мы счастливы приветствовать Вас ныне вновь свободно собравшихся для решения неотложных вопросов и нужд строительства новой свободной справедливой жизни.

Мы счастливы слышать Вас избранных трудового народа истинных выразителей его стремлений и воли после кошмарного плена, после кровавого ига проклятой белогвардейщины. Там далеко от нас на западе Сибири железной пятой диктатуры трудящихся раздавлены эти опричники реакционной буржуазии. Там беспощадно уничтожены и сметены с лица земли банды главарей сибирской контр-революции как и они сами. Здесь у нас на Востоке точно также бессильные противостоять натиску революционного крестьянства, казачества деревенской и городекой бедноты, вчерашние „цари и боги“ повержены во прах. И нужно ли говорить, с какой радостью все мы встретили

день нашего освобождения, день победы над нашими палачами и угнетателями. Под маской „друзей“ народа, опираясь на иноземные штыки недолго привелось покружиться этим кровавым хищникам над вольными полями амурского сахара. Ложью, интригами, посулами, да обещаниями с припевами - соглашателей они искусно сеяли между вами семена вражды и междоусобной распри и собирали обильную жатву. Горели деревни и села, гибло в застенках все честное, лучшее неподкупное и братской кровью трудящихся обильно орошались просторы полей и таежные дебри.

Но пелена обмана спала с ваших глаз. Вы скоро поняли, что те, кто покрывает гнусные злодеяния Цаповых, Мищенко и т. п., кто посылает сыновей ваших за Урал отбивать у братьев крестьян земли для помещиков, кто заводы, фабрики и рудники снова отдает капиталистам,

кто расстреливает детей и старцев, насиловать матерей и жен—те не друзья Вам трудовому крестьянству и трудовому казачеству.

Вы поняли, что против вас на деньги хищников международного капитала, с чужеземными штыками и пулеметами ополчилось все черносотенное офицерство. И принесены неисчислимые жертвы за дело свободы, свергнув массой солдатских-крестьянских рук самодержавие Николая Кровавого, завоевав затем в октябре всю землю и волю, вы вновь восстали на защиту своих прав, нагло попранных насильниками и палачами. Их грязные руки тянулись к звеньям порванных народом цепей, дабы заковав его силу и волю, снова надеть на нас ярмо беспросветной, бееправной жизни и угнетая—нашим угнетением жить.

На это они получили достойный ответ. Враги разбиты, ряды их рассеяны, но окончательно сопротивление их еще не сломлено.

Не смея выступать открыто, они шипят и будут везде и всюду шипеть о несостоятельности Советской власти,—власти трудящихся в делах управления государственным аппаратом. Каждую ошибку, каждый малейший промах исполнителей воли трудового народа, они почтут своим подлым долгом использовать в своих нудных целях. И клеветая и обливая грязью вся и все снова приложат все усилия посеять между нами злые плевелы распри и смуты.

Братья трудящиеся, остерегайтесь их!...

Помните, что нет у них иного исхода как или умереть, или сложить пред вами свое оружие. Они готовы всюду нас предать, сломить и удушить, мечтая трон поставить новый,—тиранов новых посадить.

И нет и не должно быть пощады тем, кто тайно или явно идет против народа, и тем кто оказывает им в этом свое содействие. Все имущество их в чем бы ни состояло оно—должно подлежать немедленной конфискации в пользу Российской Трудовой Советской Республики. Настал час открыто и громко объявить всему миру, что свое право на первое место в жизни мы трудящиеся никому не уступим.

Всей полнотой власти, всем напряжением своих сил и средств рабоче-крестьянская Россия ответить на вызов врагов, откуда бы таковые не явились.

Не остановится она и на полумерах завоеваний революции.

Твердым шагом, братья трудящиеся, смело и бодро пойдем к нашим конечным целям с едиными лозунгами социальной революции: Да здравствует Власть Советов.

Да здравствует Трудовая Республика—союз плуга, молота и мысли! Вся земля, фабрики и заводы трудящимся!

Да здравствует социализм!

Редакционный коллектив.

К КРЕСТЬЯНАМ.

(О тактике)

Трещит, ломается старая жизнь в деревне. Надо строить новую. А тут наступает лето, самая рабочая пора, но рабочая вся сила в парти-

занских отрядах, да в казармах.

Громадная задача, громадная ответственность падает на немногих сознательных работников деревни.

В это тяжкое, страдное время

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ТОВАРИЩИ!!! рабочие, партизаны, казаки и крестьяне. Выпуская в свет журнал „Голос Максимиалиста“, защищающий интересы трудовой бедноты мы обращаемся ко всем трудящимся за моральной и материальной поддержкой. Все, кто стоит за передачу власти, земли, фабрик и орудий производства в руки народа—мы призываем на помощь искреннему революционному слову.

решаются судьбы края, судьбы крестьянства.

Великое дело программа, то есть то, чего должен добиваться трудовой народ. По справедливости вся земля без выкупа должна отойти всему народу, в пользование трудящихся. Дорого стоящий инвентарь, мельницы, заводы и подавно, потому что народным трудом созданы они и народу принадлежат по праву.

Все это хорошо, но есть вопрос поважнее. Каким образом добиться этой программы? Как сделать, чтобы не проиграть и всей революции?—Мы уже победили, говорят люди хорошие, но доверчивые. У нас вся сила: крестьяне, рабочие, армия—кто посмеет восстать против мощи трудового народа?

Нет мы еще не победили. Кровавые атаманы смещены потому, что никакой защиты им изменникам и кровопийцам народ не дал. Но все силы капиталистов, банкиров, попов, фабрикантов, купцов и кулаков целы. Они на местах, они в канцеляриях, а в Приморской области под личиной земской

власти сидят саботажники и эти силы не дремлют. Но ведь их же мало?—Их и раньше было мало, но держались они веками, благодаря тьме народа и несогласию в народе, так как несогласие и вражду между трудящимися—враги народа стараются всячески разбудить, и делают они это очень искусно, потому что среди них много людей неглупых и образованных.

У нас хорошие люди спорят и ссорятся из-за программ, из-за фракций, а в это время враги народа сеют рознь между трудящимися, настраивают крестьян против рабочих, партизан против казаков и т. д. По всей области бродят шайки белогвардейцев и разного рода уголовных элементов, все это материал, который в руках смелого вожака, при общей разрухе, может превратиться в грозное орудие против советов. Какойнибудь самозванец из беглых офицеров, или предприимчивый белогвардеец, организовав вооруженную банду, сможет снова вносить разруху и дезорганизацию в среду безоружного населения.

Другой проходимец, под маской привлечет на свою сторону и часть войска. И пойдет брат на брата и сын на отца, и тогда объединенные силы кошмарного прошлого во имя порядка и успокоения смогут торжествовать победу, как это было во время чехов.

Да не будет этого!

Но все это возможно. Есть и реальная опасность, угрожающая революции—это японский империализм, не разбитые семеновские банды и полусоглашательская земская власть на Дальнем Востоке. Поэтому раньше необходимо защитить революцию, обезвредить врагов, иначе все наши программы

превратятся в ничто, в пустой звук.

Что же делать сознательным крестьянам на местах?

Об'единиться, раздобыть оружие для себя и для верных людей.

Все граждане, мужчины и женщины должны считаться в настоящее время солдатами единой все-российско-революционной армии; и население каждой местности должно быть готовым дать отпор какому бы то не было насилию против трудового народа. Дабы какие нибудь обманщики и самозванцы не могли явиться и начать действовать от имени Исполнительного комитета, или другого советского учреждения, надлежит крестьянскому совету каждой местности быть в постоянном общении с советом крестьянских, солдатских и рабочих депутатов в уезде и в области, а уездным и областным советам один с другим.

Исполнительный комитет обязан принять все меры к тому, чтобы вся область была правильно и быстро осведомляема о главных событиях на фронте и в городе, телеграммами, бюллетенями, курьерами по установленным путям и способам. Твердость, спокойствие, решительность Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов на местах, об'единение всех сознательных людей вокруг Советов, вооружение рабочего населения для самозащиты и для защиты революции, постоянное правильное сообщение между советами, а также с исполнительным комитетом, широкое ознакомление населения с главными событиями в тылу и на фронте,—это главные условия возможности работать для проведения земельной и продовольственной программы и для победного завершения революции.

Революции необходимо: оружие и хлеб. Одновременно приходится организовывать население для борьбы и разрешать продовольственный вопрос, Повсеместная уборка хлеба и самый широкий засев полей — неотложные задачи предстоящих месяцев. Советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов должны привлечь недостающую рабочую силу из городов — солдат гарнизона, безработных, буржуазию и всех лиц, которые, без ущерба для государства или города, смогут посвятить свой труд полевой работе, чтоб побольше засеять и убрать полей.

Но согласие между самим трудовым крестьянством прежде всего. Поэтому необходимо немедленно устранять все недоразумения, которые могут возникнуть между крестьянами относительно владения и пользования землей. Каждый должен знать, что отныне частная собственность на землю отменена, но все меры пока принимаются временно до установления окончательного порядка Всероссийским съездом советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Сейчас все мероприятия проводятся временно только, чтобы справиться с разрухой, победить врагов трудового народа внутренних и внешних, пережить сообща тяжелое время, братски помогая друг другу. Дорого стоящий инвентарь, мельницы, и пр. создан народным трудом, принадлежат народу и должны перейти в распоряжение местных советов.

Зерно требуется для местного населения на пропитание до новой жатвы и на посев; и для армии, для городов, для мест, постигнутых неурожаем или таких, которые производят или технические растения,

или ведут и н о е хозяйство. Сельские продовольственные комитеты и производят учет населения и приблизительно нужды в хлебе, в овсе, в сене на месте. Об излишке сообщается районному и областному комитетам.

Отныне не должно быть продажи хлеба в частные руки. Излишки по твердым ценам должны идти в армию и в города. Ясное дело, что отдавая плоды своих трудов по твердым ценам, крестьянство вправе требовать и твердых справедливых цен на городские продукты, ибо каждый трудящийся должен жить от своих трудов, не отнимая чужого, а буржуазия и праздношатающихся вовсе не должно быть по теперешним временам.

Здесь мы коснулись серьезного вопроса, от правильного разрешения которого зависит успех нашей революции.

Каждый понимает, что для победы революции необходимо полное единение трех революционных сил: земледельцев, рабочих и армии.

В России рабочих гораздо меньше, чем земледельцев; но они находятся в городах.

В городе: школы, типографии, печатаются книжки, газеты, листки; в городах же находится и правительственная власть. Из городов идет по стране революция и провокация, распространяются слова истины, но также ведется и защита помещиков, капиталистов и всякой нечисти. Армия проливает свою кровь на фронте, крестьянство — несет тяжкие жертвы, но для армии и для крестьян важно, чтобы все это не пропало даром. Кто же естественный союзник крестьян и солдат? Кто кровью заинтересован, чтобы в стране не торжествовали

темные силы врагов трудового народа? Рабочий класс, численный в столицах и больших городах, рабочие первые застрельщики революции, рабочим приходится выдерживать главный натиск врагов народа и от действий рабочих против белогвардейцев и буржуазии зависит их судьба и судьба крестьянства; но в свою очередь рабочие могут успешно бороться за права народа только в случае поддержки со стороны армии и крестьянства.

Рабочим необходима поддержка крестьян и армии, но солдатам и крестьянам не менее необходима поддержка против сил объединенной буржуазии, организованной вокруг своих советов силы рабочих. Это отлично понимают враги народа и под разными предлогами стараются натравить крестьян и солдат против рабочих: рабочие де много зарабатывают, мало работают и живут не в пример лучше крестьянина и солдата. Это верно только относительно меньшинства рабочих. При вздорожавшей жизни, при теперешних ценах на все, большинство рабочих семей еле-еле связывают концы с концами. Приближаются и черные дни безработицы, лишений и голода для рабочих. Те, у которых заработки не плохие, не желают отказаться от излишка, так как иначе этот излишек пойдет в карман богача фабриканта. Защиту интересов трудового народа надо прежде всего начать против тех, кто не сеет, не жнет, а в житницы собирает, то есть против буржуазии. Когда власть, земля и капиталистическая собственность перейдет народу, то честным рабочим жертва в общую народную пользу будет в радость. Все ведет к одному:

к необходимости тесного единения между крестьянами, рабочими и армией, для освобождения от экс-

плуатации и установления правильных порядков.

Ривкин (Ник. Ив.)

СУЩНОСТЬ МАКСИМАЛИЗМА.

Всю почти мировую историю человечества прорезывает глубокая борозда: порабощение и угнетение большинства меньшинством. Проявляясь то в грубой и наглой форме, то в замаскированной и лживо законной, власть меньшинства над большинством сохранила, однако, и по сию пору свою сущность: эксплуатацию, грабеж, насилие и порабощение трудящихся. Современный буржуазный строй, покоящийся на началах частной собственности на средства производства и вытекающей отсюда монополии на знание и власть, является только одной из новейших и совершеннейших форм угнетения и эксплуатации. Не внося в жизнь организующих начал солидарности, подавляя стремление трудовой личности к всестороннему развитию своих способностей, буржуазный строй увлекает народ в пучину вырождения и тем отдалает момент социалистического переворота.

На заре пробуждения угнетенного человечества происходит яростная борьба рабов с рабовладельцами: ее сменяет восстание крепостных против помещиков, которое в свою очередь уступает место новейшей форме борьбы труда с капиталом.

То разрозненная и местная, то организованная, то мятежная, эта борьба, развиваясь вширь и вглубь, охватила теперь большинство человечества, трудящиеся всего мира борются против класса эксплуататоров.

Осознавшая себя трудовая личность, не укладываясь в рамки буржуазного строя, стремится перестроить всю общественную жизнь на новых началах, освобождающих труд, и открыть тем свободный путь к развитию личности по направлению к ее полной гармоничности и целостности. Только при условии социальной, т. е. и экономической и политической свободы, знаменующей собой уничтожение частной собственности на все средства производства и выражающей полную волю трудового народа, только при условии такой свободы.—и не при какой другой, возможно и мыслимо осуществление этих коренных нужд трудового класса.

Воплощение в жизнь этих начал завершает собой цикл развития общественных форм эксплуатации и открывает путь к свободному творчеству новых форм общественной жизни, основанных на солидарности.

Единственным носителем активных и творческих сил социального переворота и органического созидания социалистических форм общественности является революционно организованный трудовой народ, включающий в себя пролетариат, трудовое крестьянство и трудовую социалистическую интеллигенцию. При этом, существенным, но не исключительным фактором социального переворота является стихийность народно-трудового революционного движения; она спаивает широкие силы трудящихся в единую мощную силу, развивает чувство солидарности, героизма и самоотверженности и придает несокрушимую энергию социально революционному движению.

Констатируя с одной стороны наличность таких общественно-хозяйственных организаций, как трудовая община, не разрушенная еще вполне буржуазно-бюрократическим режимом, равно как и наличность коллективных форм обобществленного труда, как то: фабрики, заводы, средства передвижения и т. п.; констатируя, затем, наличность острой потребности у трудового класса в уничтожении общественного и хозяйственного уклада русской жизни, опираясь на эти экономические и психологические условия, мы считаем безусловно должным и возможным реорганизовать всю общественную жизнь на социалистических началах не в более или менее отдаленном будущем, через прохождение всех этапов эволюционного развития, а немедленно, путем творчества самого трудового класса. При этом одновременность и отчасти полное слияние социального движения трудового класса, крестьянства пролетариата, как непосредственных производителей продуктов первой необходимости, дает возможность организовать трудовое общество в рамках одного социального организма.

Исходя из вышеизложенных соображений Союз с.-р. максималистов выступает как авангард социально-революционного движения с лозунгом *полного революционного переворота, организуя широкие слои трудящегося народа в могучий Союз работников молота, плуга и мысли* для решительной и активной революционной борьбы за право на труд, за право на жизнь, за полную волю трудового народа.

Совет как строитель хозяйственной жизни.

Советы объединяют вокруг себя весь трудовой народ данной местности—рабочих, крестьян и солдат. Благодаря форме представительства—от каждой трудовой единицы, вся масса легко может быть приведена в движение. Кроме того, Советы, объединяя трудящихся разных отраслей народного хозяйства и транспорта, могут сделать многое для внесения порядка и организованности в наполовину разрушенные промышленность и транспорт. Прежние хозяева в этих областях—фабриканты, заводчики, высшая железнодорожная администрация, во-первых, не пользуются в данный момент среди масс, им подчиненных, над которыми они так издевались во время старого режима, никаким авторитетом, а во-вторых, и это главное: все эти господа привыкли к безконтрольному хозяйничанью и к колоссальным барышам, и всякое вмешательство в их самодержавное управление производством и торговлей и всякая попытка ограничить их прибыль разсматриваются ими как покушение на их святая святых, и с этим примириться не могут. Но трудовые массы, вынесшие исключительно на своих плечах год а неимоверной дороговизны, спекуляции и простого жульничанья, также не могут согласиться на безконтрольное хозяйничанье самодержцев капитала, и борьба, не на жизнь, а на смерть, не только неминуема, но уже началась. Физической силы, чтобы подавить стремления широких слоев трудового народа вмешаться в промышленную жизнь страны, у них сейчас нет, они прибегают к единственно имеющимся в их распоряжении средствам борьбы: 1) к саботажу, т. е. к скрытому нарушению правильного хода предприятий, правильной вывозки и равномерного распределения выделанных продуктов и своевременной выписки нужного сырья

и материала, и 2) к локауту, т. е. к закрытию предприятий. Так что, как видно, плохая надежда на прежних строителей и организаторов хозяйственной жизни, мало вероятного, что они упорядочат то, что сами, благодаря своей алчности, разрушили и что сейчас продолжают разрушать, стремясь уронить в глазах обывателя и народа революционные порядки и организации: хоть нам и временно убыток, но зато раз навсегда избавиться от не прошенных контролеров и от нахальных, «чрезмерных требований зазнавшихся рабов».

Но тогда на кого же надеяться, кто внесет порядок в производство и транспорт и кто установит необходимую связь между разными отраслями трудящихся, и кто установит нужную везде дисциплину в массах?

Тот, кто в этом больше всех заинтересован и кто обладает необходимым для этого авторитетом. А заинтересовано в установлении порядка и в усилении продуктивности труда больше всего трудовое население: крестьянам нужны фабрикаты, солдатам обмундирование, снаряжение и снаряды, рабочим хлеб и другие продукты. Советы, и объединенные вокруг них более мелкие массовые организации, которые выражают волю всех категорий трудящихся, сознают, что им приходится волей-неволей вмешиваться в хозяйство страны; им приходится вмешиваться в разные конфликты между трудящимися и хозяевами и администрацией; им приходится помогать рабочим налаживать те предприятия, которые взяты рабочими в свои руки, когда хозяева этих предприятий собираются их закрывать; им приходится сноситься с советами других городов, чтобы достать сырье или ту или другую машину; им даже приходится открывать новые предприятия. Так, напр., петроградские рабочие заинтересованы, чтобы у них было достаточно нужных крестьянам железных изделий; тогда они будут, во-первых, обеспечены хлебом, и во-вторых, ограждены от упреков со стороны крестьян чут-ли не в дармоедстве. И вот они решили использовать все имеющиеся на заводах железные обрезки и куски, доходящие до десятков тысяч пудов, реквизируют их и на новооткрытых заводах выделывать из них необходимые крестьянскому хозяйству предметы: гвозди, подковы и т. д. Лишь бы рабочим и их организациям никто не мешал, и они все это оборудовали бы быстро. Тогда—крестьянам нужны изделия, а рабочим—ра-

бота и хлеб. Все местные советы должны завоевать себе право самого коренного вмешательства в промышленность и транспорт данной местности, право конфискации и реквизиции, раз это необходимо для блага громадного большинства населения и не идет вразрез с интересами всего остального народа;

Центральная власть должна в этом деле организации хозяйства только помогать кредитами, техниками, инструкторами и т. д. Широкие слои населения только советам и доверяют. В частных конфликтах, столкновениях между хозяевами и рабочими и между самими крестьянами на почве земельных отношений, между торговцами и покупателями из малоимущего населения всюду прибегают к вмешательству советов. Трудовые массы властно заставляют свои советы вмешиваться в производство, земельные отношения, распределение и продовольствие. Насущные потребности рабочих масс вынуждают советы взяться за дело организации производства, распределения земель и продуктов первой необходимости. И советам, если они хотят быть впереди движения, а не в хвосте, вообще, если они хотят отстоять свое право на существование, то остается один путь: решительно заявить право народа на все необходимые ему средства производства, на землю и все продукты труда и самим взяться за решительное введение таких порядков, при которых все здоровые одинаково трудились бы и одинаково получали бы из имеющихся скудных запасов; самим взяться за увеличение этих запасов и за распределение рабочих сил так, чтобы ни один рабочий час не тратился бы по напрасну или на производство ненужных массе населения предметов роскоши.

Советы не партии. Последние объединяют людей во имя отстаивания тех или иных принципов и достижения различных общественных целей. Пока принципы не воплощены в жизни и цели не достигнуты, члены партии не имеют никакого основания уйти из партии: не то, если ее центральные и местные органы почему либо перестают активно отстаивать основные принципы и решительно добиваться поставленных целей, то ее состав тает с каждым днем. Совет же объединяет вокруг себя трудовые массы не тем или другим отдельным принципом или какой-либо определенной целью, а единственно глубоким стремлением масс установить в ротели, на фабрике ли, в деревне ли свои по-

рядки вместо опротивевших порядков прежних своих начальников и хозяев. Как только совет отказался от своего главного дела — установления нового революционного порядка во всей жизни об'единенных вокруг него трудовых масс, он тем самым обрекает себя на прозябание, а затем и на верную смерть. Прямо пустыми и бессодержательными кажутся слова: «об'единяйтесь вокруг своих советов» тех «социалистов», которые с энергией, достойной лучшего применения, отстаивают централизацию власти, сосредоточение всего дела организации страны в руках небольшой группы лиц, самим местным советом необходимо вмешиваться в хозяйственную жизнь страны. Без этого вмешательства в самую гущу общественных отношений, без наложения своей властной руки на все «священные» права собственности и личного распоряжения капиталистов по своему произволу народным хозяйством, без решающего и руководящего голоса в данной воинской части, в армии — на фронте и в тылу, без права руководства в с е й политической жизни данной местности — без этого советам смерть. Но смерть советов есть смерть революции, нашей русской революции, направление и содержание которой определились именно стихийным, повсеместным, «самочинным» возникновением советов. Советы предрешили водворение власти трудового народа. Никто от своей власти добровольно отказываться не хочет, не хочет этого и трудовой народ России. Больше того, он хочет ее расширить и укрепить во всех областях общественно-хозяйственной жизни. В революционное время народ делается нетерпеливым, очень чувствительным ко всякому неравенству, ко всякой несправедливости и обиде. Все то, что во время рабской покорности ему только мерещилось, и то только во сне, — в момент же возстания, во время победоносной революции, когда он чувствует и видит силу своего класса, осуществляет на деле свою власть, ему хочется прежний сон претворить в действительность.

Если сознанное право на счастье начинают осуществлять всякими «самочинными» средствами отдельные личности, думая только о своем личном благе и не связывая свою судьбу с судьбой таких же обобщенных счастьем, тогда получается не революционно-классовое действие, а в большинстве случаев, противообщественное, вредное проявление глубокого себялюбия, принципа, «что моя левая нога захочет».

Но когда нетерпеливым духом немедленного осуществления своего сознанного права на счастье, на блага жизни, равные для всех, охвачены целые массы, целые трудовые единицы—деревня, город, уезд, область, и когда это настроение толкает массу на организационное планомерное выступление, на коллективное творчество, тогда оно превращается в революционно-классовой акт. Из целого ряда таких актов и составляется то, что называется народной революцией. Такую массовую нетерпеливость мы революционеры и социалисты должны только приветствовать. Это нетерпение есть действительно святое, оно есть главная движущая сила революции, ее душа, без которой революция перестает быть таковою, умирает. И если мы не хотим этой смерти, то не нам гасить этот движущий огонь и ограничить наши действия одним лишь призывом к терпению и к ожиданию какого-то лица или учреждения, которое осчастливит всех и все устроит по хорошему. Широкие массы нельзя объединять вокруг отвлеченных, непонятных и жалких лозунгов, а организовать ее можно лишь на почве тех или иных

практических действий протеста, забастовки, восстания, а при советской власти, на почве осуществления тех или иных преобразований в общественной жизни.

Солдатская масса в начале революции организовалась вокруг своих Советов на почве установления в армии новых демократических порядков и революционной дисциплины и на почве вмешательства во всю политическую, а отчасти и экономическую жизнь страны. Рабочие массы также устанавливали свои порядки в предприятиях, забирали в свои руки прием и расчет рабочих, нормировку расценок и рабочего дня; осуществляли свой контроль над действиями администрации. Задачи Советов с ходом революции расширялись, а их права с каждым днем ограничиваются сорганизовавшимися командующими классами. Но права Советов и фабрично-заводских и земельных комитетов есть права самой революции, и если она жива еще, то она завоюет себе ничем неограниченное право действия, установит свою власть, власть Революционных Советов.

А. А. Зверин,

Памяти Яды Павловны Лебедевой.

(убита в Красноярске в августе 1918 г.)

Вдаль прошлого часто гляжу я:
Там стоны, хрустенье костей,—
Свой пир совершают буржуи—
Вампиры отчизны моей....
Рыдают там вещие струны....
Там гибли отваги полны
Герои парижской коммуны,
Как ныне России сыны....
Вот слышутся взмахи нагайки,
А в городе смерть и погром,
То белых насильников шайки,
В рабочих стреляют свинцом!....
.....
Бездушен, как Каин ужасный,
Как кровью упитанный зверь,
Над женщины трупом безгласным
Хохочет палач—офицер....

Истерзана, залита кровью,
Со скорбью на бледном челе:
За то, что с великой любовью
Ты сеяла радость во мгле.
Безжалостным роком отмечена
Погибнуть за братьев твоих,
Печатью невзгоды увенчана
Ты в грезах витаешь моих.
Голубка моя белокрылая,
Поборница правды святой,—
Знать доля такая постылая
Дана тебе жизни судьбой!...
Так спи же! ты много страдала,
Не знала ты радостных дней,
В борьбе, утомленная пала
Среди равнодушных людей.

Жуковский.

ПРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ.

Убийство 17-ти революционеров 26 марта 1919 г. в г. Благовещенске, со слов обреченного тов. В. Повилихина.

Это было в кошмарный период буржуазно-офицерской диктатуры, когда кровавые властители ставили человеческую жизнь ни во что, когда Амурская область

стонала в когтях вампиров... Тюремный мартовский день приближался к концу. Мороз усиливался к ночи. Жутко в вечерних сумерках тюрьмы; чувствуется веяние смерти, так как каждую ночь кого-нибудь вы водят на казнь и никто из узников не был гарантирован, что его сегодня тоже

не выведут на казнь, без суда, выведут, так себе, ни за что, ни про что, отнимут жизнь мучительным образом просто из любви к искусству....

Я сидел в одиночке с товарищем Ерыгиным,—рассказывает тов. Повилихин. Прошла вечерняя поверка, сосчитали нас по обыкновению и, кажись, ничего особенного, но предчувствие чего-то недоброго закралось в душу. Нервы у меня в этот период были еще не истрепаны, крепкие, но ежеминутное ожидание всякой страшной, роковой неожиданности давало себя чувствовать.

Не успел утихнуть шум удалявшейся стражи, как вдруг в коридоре послышался топот сотен ног и лязг оружия. Вооруженные люди подходили к одиночкам и останавливались. Стали открываться двери одиночек и послышались возгласы стражи: «Шумилов, Поспелов, Хабаров, выходи! и целый ряд других фамилий. Мы тревожно и вопросительно переглянулись с товарищем и сердце забилося тревожно и быстро...

Открывается и наша одиночка и грубый окрик: «Повилихин, выходи!» заставил нас вздрогнуть. Растерялся, не знаю в чем дело, куда ведут в такое время? Ведь после проверки никуда не вызывают, *только на смерть*. Неужели на волю—мелькнула мысль. Спешно целуюсь с Ерыгиным, он что-то говорит, но до моего сознания доходят только его последние слова: «Г-н начальник, а меня нет в списке?». Мгновение и я в коридоре, одиночка захлопнулась, а в ушах гудит противный голос палача:—«завтра и ты будешь, и тебя вызовут»...

Увидав коридор, переполненный японцами, среди которых стояли фигуры Шумилова, Шафира, А. Семенченко, Шелковников, А. Чумака, Шемякина, И. Шестакова, Л. Белина, Н. Воробьева, И. Семенченко, П. Зубка, П. Вшивкова, Мельниченко Поспелова, Хабарова, Федина, тут же и «доблестные» офицеры Файдвшевич и Чечуа. Я понял, что затевается, что-то недоброе, что-то страшное,—чему нет названия. Полумрак тюремного коридора, бряцанье оружия, тишина ночи—все это наполняло душу тоской и скорбью. Откуда то появились веревки и нас всех восемнадцать человек стали связывать друг с другом веревками, попарно рука с рукой. На наши недоуменные вопросы куда нас ведут?—послышались злобные двусмысленные ответы:

— На свободу...

— В другое помещение...

Японец—офицер успокаивающе говорит, что нас отправляют на Сахалин в качестве заложников, чтобы большевики в области не предпринимали активных действий.

Связанных веревками, плохо одетых вывели на тюремный двор. Морозом пахнуло в лицо...

Прощайте братья, прощайте товарищи!—и гул сотен голосов из тюрьмы огласил тюремные стены.

Прощайте, досвиданья... Прощайте братья!—кричим мы. Кричим и не вполне сознаем, что это прощанье на веки...

Прощайте братья....

— «И вы, там завтра будете:—кричит Турецкий,—начальник тюрьмы и грубой циничной бранью заканчивает свою речь.

У конторы нас остановили, окружив тесным кольцом конвоя японских-жандармов, осматривают крепко ли связаны руки; подходит японский солдатик ко мне с винтовкой, трогает руками веревку—а у самого на глазах слезы.

«Куда нас поведут»—спрашиваю—«убивать»? (контрами)?

Японец утвердительно качает головой, а крупные слезы одна за другой текут по его желтому лицу. Милый, добрый японец! в твоей темной душе дикаря нашлось чувство человека, чуткого к страданию, к людскому горю...

Крепко связанные руки немеют, дрожь пронизывает до мозга костей. Тяжело... жутко... в душе пустота и смерть... Подходит офицер—японец, «садит» в рот папиросу и мгновенно вынув, тычет грязными пальцами конфету...

Издевается...

Осмотрев всех, крепко ли связаны руки, палачи направили нас к выходу. Заскрипели тюремные ворота, выпустили обреченных и ночная тьма, словно львиная пасть, поглотила нас. Подгоняемые со всех сторон штыками и ударами, мы направились за тюрьму к ямам, где весной копают глину для выработки кирпича. Там для нас предназначалось место вечного покоя, место казни. Пока мы прошли это сравнительно не далекое расстояние—я успел пережить целую вечность. Целая жизнь пронеслась в моем мозгу. Вспомнилось детство, мать, родина, все, все до мельчайших подробностей. Даже самые незаметные мелочи жизни всплыли почему то особенно ярко...

А сердце бьется так быстро, быстро, как раненная птица. Товарищ дорогой, говорю связанному со мной Вшивкову,—ду-

мал ли я, что мы будем связаны друг с другом одной веревкой и вместе умрем!... За сказанное слово солдаты бьют беспощадно.

Тяжело, мрачно в душе. Пустота... а жизни так жаль, так обидно умирать, глупо и бессмысленно, добровольно подставляя голову под удар палачей. Умирать с сознанием, что даже ничего не сделал для идеи, для пользы ближних.

А жить так хочется! Молодой сильный организм не хочет мириться с неизбежностью смерти, он протестует. И в голове зарисовались мысли о сопротивлении, о побеге.

— Ударит конвойного, бросится в темноту ночи или быть убитым сразу — или спасенье!... Я насторожился, напряг все внимание на мысль о побеге, но связанные веревкой, отекающие руки парализуют волю.

И так все пропало!... Проклятые руки, проклятые веревки!...

Эх! да разве можно передать все это словами. В человеческой речи нет тех выражений, которые могли бы выразить хоть одну маленькую часть ужаса, пережитого нами. Словами этого не передашь... Все мы одеты налегке, кто в летней рубашке, кто в легком пиджачке. И не смотря на то, что шагаем быстро—холодный ветер пронизывает насквозь. Дрожим от холода и волнения; зуб на зуб не попадает. Чувствую, как товарищ Вшивков дергает руками, пытается незаметно освободиться от веревок. Напрягаю всю силу и делаю тоже, но страшная боль не позволяет двигаться ни одним мускулом, а тов. Вшивков все дергает. Спрашиваю у офицера Файвушевича—куда нас ведут и получив ответ, что на Сахалин—говорю ему, что ведь дорога не туда ведет. Вероятно убивать велите. «А если знаешь, то зачем спрашиваешь»....

Пришли на место казни. Остановились... Я почувствовал, что веревка, связывающая нас ослабела. Очевидно тов. Вшивков работал не даром; маленькая, маленькая надежда закралась в мою душу.

Началось приготовление к казни, а мы словно стадо ягнят, окруженных голодными волками—робко сжались в кучу... У многих на глазах слезы, а в душе страшная драма смерти, веяние крыльев которой уже шумит над нами, говорит о вечности. Стали прощаться перед уходом от жизни, начались поцелуи, слышалось застенное рыдание. Живой человеческий

организм не хотел признавать никаких доводов, он не мог мириться со смертью... жутко... страшно, а главное—нет выхода, чувствуешь свое бессилие.

— «Какой произвол, какой жестокий произвол!.. Даже с родными не пришлось проститься»—говорят Яков Григорьевич Шафир и жгучие слезы туманят его старческие глаза.

Палачи приготовились к бою. Напряженная, торжественная страшная минута. —Вдруг товарищ Зубок, отвязавшийся от своего спутника, бросается на колени перед офицером и в каком-то отчаянии молит палача: «Сжальтесь, пощадите! У меня дети маленькие—пожалейте их!... Какой болью, какой мучительной болью отзывался в нашей душе вопль несчастного. Камень и тот разрыдался бы, но наемники капитала остались неумолимы. Холодным и спокойным тоном: „Я ничего не знаю“—отвечает «доблестный» офицер. Мгновение и товарищ Зубок, поднявшись с колен, изо всей силы ударяет одного из мучителей и бросается в сторону. Раздались крики, посыпался град пуль, но беглец исчез. Конвой насторожился и придвинулся ближе к нам, нас поставили на краю ямы, на дне которой был еще снег.

— «Становись на колени!» Протяжно раздалась команда и все обреченные опустились на колени. Сверкнули шашки, бряцанье оружия, предсмертные стоны и... хрустенье костей. Кровь застыла в моих жилах. Куда девался Вшивков, что происходило дальше—не помню. Какая то не человеческая сила, словно вихрь, или страшный удар столкнули меня в яму, прозвучал выстрел и я потерял сознание. Долго ли я пробыл в таком состоянии не знаю, но страшный, ледянящий душу холод привел меня в чувство, так как я лежал в одной рубашке грудью на снегу, а вокруг меня и на мне лежали убитые и умиравшие в судорогах товарищи. Переюмсей мыслью было, что я умираю, но отсутствие физической боли успокоило меня. Масса крови моих несчастных братьев обрызгала меня, заливала лицо, а связанные сзади руки делали меня совершенно беспомощным. Вся яма переполнилась стонами, хрипением умирающих и скрежетом зубов. Я попытался подняться, но лежавшие на мне трупы не давали возможности это сделать. Повернув голову в сторону, я столкнулся лицом к лицу с товарищем Шелковниковым—Гуном, который умирал в страшных судорогах и его сла-

бое дыхание обдавало мое лицо. Мне стало жутко. Со страшным усилием воли повернулся я на другую сторону, сдвинул чью то руку, опустившуюся на мое плечо, которая снова опустилась на меня. С крепко связанными руками я был весь во власти моих мертвых товарищей отчаянье закралась в душу с новой силой. Чувствовал, что схожу с ума. Решил во что бы то ни стало спастись и, работая плечами, стал выбираться из груди мертвых тел, которые плотно придвинулись ко мне, как бы не желая разстаться со мной. Карабкаясь среди тел, успел разглядеть окровавленную голову старика Шафира и красивое страдальческое лицо тов. С. Шумилова, которого узнал по большой черной бороде.

Среди всего этого кошмара, опьяненный чувством сознания, что я жив,—я совершенно забыл об опасности там на верху, забыл про палачей, как вдруг до слуха моего донеслись голоса людей, о чем то горячо говоривших. Я весь похолодел и замер, прижавшись к убитому товарищу. Мысль, что меня могли заметить наполнила душу ужасом, а ко всему этому мне послышался звон лопат и шорох о землю. Мне казалось, что яму будут закапывать и перспектива быть похороненным за живо—была страшнее всего пережитого за весь вечер. Лежал и не шевелился. От дрожи зуб на зуб не попадал. Сколько прошло времени, не знаю, быть может, одна минута, показавшаяся вечностью. Но голоса постепенно стали стихать, шаги удалялись все дальше и все стихло.

Мертвая тишина нарушалась только стоном одного из товарищей лежащих подомной, но вскоре и он замолк. Я подождал еще несколько мгновений и убедившись, что опасность миновала стал выбираться из могилы на всег Божий. Это мне стоило больших усилий, так как мертвецы не пустили меня.

Наконец я все-таки выбрался из ямы, огляделся кругом, ни души. Решил пробираться к городу, к человеческому жилищу, ибо шагать к тайге в мокрой легкой рубашке не было сил. А тут еще вспухшие связанные руки мешают идти; боль адская, даже в глазах темнеет.

Жажда жизни так овладела мной, что готов был отрубить себе руки, лишь бы уйти. Долго ли шел до города,—не помню, но очутился у избушки сторожа городск. больницы. С бьющимся сердцем постучал туда. Глубокий старик открыл мне дверь и увидя меня в крови связанного—испу-

гался. А ведь много ужасов видел он за это время: не одного расстреляли на его глазах.

— Дедушка, спаси меня! Я бежал от казни, помоги мне....

Окинул меня тусклым взглядом старик и покачал головой.

— Хорошо я старик—мне уж все равно, а ты, ты еще молод. Ложись!—И он указал мне на койку, развязал руки, прикрыл меня, а когда убедился, что всюду спокойно, обмыл меня спиртом и снова уложил. В бреду и грезах я пролежал до утра, а утром поблагодарив моего спасителя отправился к Ольге Васильевне, благодаря которой отыскал товарища Козина, у которого и поселился...

Тут я узнал, что тов. Зубок, убежавший от казни был замечен на Соборной улице японским караулом, когда перелезал забор. Его сняли с забора на штыках

Я видел тов. Повилихи на другой день после кошмарной ночи. Его правдивый искренний рассказ произвел на меня потрясающее впечатление. Прошел уже год, могилы мучеников 26 марта заросли травой, но когда я вспоминаю об этом, мороз подирает по коже, словно я сам переживал этот кошмар. Живя сам на нелегальном положении, я не мог тогда записать его слов, по этому в моем рассказе многие яркие моменты потускнели, но они сохранили свою точность и историческую правдивость.

Жуковский.

Посмертные стихотворения И. Корытова.

(Продолжение)

Рождество.

Сегодня благовест во храме,

Но грустно мне.. душа болит...

Кумир безжалостно разбит

И залит кровью и слезами...

Сегодня праздник, день рожденья

Христа—звезды принесшей в мир

Свое великое ученье

И безгранично светлый пир.

А позже, жизнь тяжкий крест

Он нес. Изгнанником средь мира

Он был. Он бодро шел на крест

Во имя светлого кумира...

Он шел спокойно умереть

От рук презренного вампира.

И до конца стремилась петь

Его божественная лира.

**

Много лет прошло с тех пор,
 Когда с учением к народу
 Он шел, неся людскому роду
 Луч света с Элеонских гор.
 Среди пустынь и темных туч;
 В вихре буйной непогоды
 Он шел величествен, могуч
 К любви призвать свои народы.
 Но величавый его глас,
 Глас вопиющего в пустыне
 Остался гласом и поныне..
 Лишь факел света не погас.
 Он с каждым днем, и каждый час,
 Горит, становится все бодрей!
 И мчится в глубь, в людское поле
 Его божественный Пегас.
 Хвала величию Мессии!
 Хвала поборнику свобод.
 Привет страдальце—России,
 Привет тебе, бедняк—народ!

И. Корытов.

Январь 1919 г.
 Обл. тюрьма.

М. Е. Шилановской.

Ты страдаешь, мой друг... ты болеешь душой
 Тяжело для тебя все страданья..
 На расвете идеи—мечты молодой
 Окружили тебя испытанья.
 Окружил произвол, сокрушает недуг,
 И рисуется призрак могилы..
 Но мужайся мой славный товарищ и
 друг,
 Укрепи свои юные силы.
 Верь, настанет пора! И во имя свобод,
 Залечив нанесенные раны—
 Вновь возстанет великий страдалец—народ.
 И погибнут народов тираны.
 И прольется братская кровь
 На кошмарных полях озверенья:
 Принесет нам дары искупленья
 И прославит святую любовь

И. Корытов.

1 янв. 1919 г. тюрьма.

Скоро!

(Посвящаю товарищам по революции)

Словно волны, мчатся годы
 В неизведанную даль..
 Вместо радости свободы—
 Скорбь неслосьная печаль..
 На душе гнездится бремя;—
 Не пройден тернистый путь.
 И когда настанет время
 Полной грудью вздохнуть?..
 Но, друзья, поверьте, скоро
 Будет свергнут тяжкий гнет,

Вечный гори людского спора
 Буйный ветер разнесет.

Рухнут цепи, что закован
 Наш великий богатырь;
 И пойдет он очарован
 В неизмеренную ширь
 Встретит вызов он злой доли,
 Он натешится в борьбе,
 Принесет Земли и Воли
 Всем—поравну, и себе.

Путь тернистый, одинокий
 Снова с гордостью пройдет!
 И над грудью высокой
 Знамя братства развернет.
 Среди яркого пурпура
 Словно солнышка восход,
 Встретит дивного Амура,—
 Счастье миру принесет.

И. Корытов

янв. 1919 г. тюрьма.

Униженная.

В объятьях тревог и волненья,
 Как будто от страшного сна
 Очнулась и злые сомненья
 Спешила развеять она.

А мир с вековым угнетеньем
 В этот час был позорен и сир:
 Он смотрел на нее с подозреньем,
 В ней бледнел благородный кумир
 А давно ль с дорогим умиленьем
 Вдаль смотрел ее ласковый взор,
 Наполнял ее дух вдохновеньем
 Молодой зеленеющий бор?..
 И давно-ль еще негой и лаской
 Был наполнен священный сосуд?
 Жизнь казалась божественной сказкой,
 В ней блестел дорогой изумруд.
 А сейчас... в ней разбил все святое
 Человек, возлюбивший давно.
 Он ушел... стало страшно бывшее,
 Стало грустно... в душе холодно..
 Только тихо, как бы утешая,
 Зеленеющий бор повторял,
 Что разбита вся жизнь молодая,
 И поруган святой идеал.

И. Корытов.

Рождественские подарки.

Благовещенску.

Толки, сплетни маскарады,
 Дамам, девам—вдоволь флирта,
 Офицерам—парады
 И ведерок двести спирта.
 Бал, отдельный кабинет,
 Вихрь и вальса и мазурки.
 Четвертушку денатурки
 И знаменитый венигрет...

Хулиганам—ералашь,
Гимназисткам—муфты, шапки,
Гимназистам серый плащ,
И кусочек белой тряпки...

Спекулянтам—барыши,
Беднякам—свечей огарки,
И японские подарки
За керенское гроши.

* *

Японцам русская (не рисовая) пища,
И градусо́в под сорок пять мороз!
Пусть эти желтокожие полчища
Хоть отморожат свой курносый нос.
Обывателям порядок гожий,
Свободу личности, жилище господам
Учащимся—ум на законы божьи,
Привет народникам—учителям!
Извозчикам и разным торгошам—
Найти предел безмерным барышам,
Крестьянину—излишний хлеба пуд,
Рабочему его любимый труд!

Следственной комиссии.

Свои делишки отложить,
На заседания являться,
Тюрьму скорее разгрузить—
Смелей за дело нужно взяться
Поверьте сами вы, кому
Приятно попусту томиться
В смраду, в грязи здесь волочиться
Гноить народную тюрьму.

Шемелину.

Тебе, кровавый паразит—
Скала холодных серых плит,
И отдаленная страна
С потоком крови и вина.

Алексеевскому.

Не играй, Сашутка, в прятки
С этой хитрою лисой.
Лучше мчись-ка без оглядки
В край безвестный, в край чужой.

Диктатур тебе не надо
Комиссаром стал не ты
Знать почтеннейший Ямада
Обманул твои мечты.

Изменили твои рати,
Удирай, брат, без возни;
На прощание проклятий,
Хоть полтысячи возми.

Полевому суду.

Человечество познать,
Снять позорную печать,
На смерть меньше осуждать,
И больше, больше оправдать.

Заключенным.

Освобожденья поскорей,
Газеты, книги и прогулки,
Вместо тухлой рыбы—шей,
Фунта по два белой булки
И на матрасах меньше вшей.

И. Корытов.

Сон Семенова.

Лей Читинский управитель спать и
видит дивный сон,

Будто умер он со славой и на небо
вознесен.

Кровь ладонью вытирая, прямо к Богу
он спешит

В двери райские стучится и приврат-
нику кричит:

„Доложи сейчас-же Богу, да смотри
не ври болван,

Мол явился от Байкала сам Семенов—
атаман!“

Подожел апостол к Богу, поклонился
и сказал:

„В двери райские стучится Забайкаль-
ский генерал

Как прикажете владыко? Принимать
иль не впускать.“

Бог нахмурился и молвил: „с этим надо
обождасть.

Ох уж эти мнѣ святые, патриархи,
да цари.

Право время не хватает их писать
в календари.

А последние два юда, что ни день то
генерал,

Каждый вексель предъявляет; он не
грабил он не крал.

А послушаешь порою всенародную молву,

Не мешает генералов отпралять на
суд в Москву...

Петр! Правителям Сибирским в рай
дверей не открывай:

К большевизму я склонился, так ра-
бочих принимай"

Поклонился Петр владыке, а Семенову
сказал;

"Ты в Москву отправлен будешь, За-
байкальский генерал."

Весь в поту вскочил с постели и сту-
чить Семенов в дверь.—

Страшно, страшно жить на свете,
как же буду я теперь?..

Отрепьев.

ТЕЛЕГРАММЫ

Телеграмма от товарищей

ВЛАДИВОСТОК, 25. В день похорон казенных—союз максималистов, выражая свою скорбь надеется, что кровью спаянные крестьяне и рабочие доведут до конца начатое дело, не сложат оружия до установления царства труда. Вечная память погибшим! Смерть палачам угнетателей народа!

Член исполнительного бюро Володин, Батулин.

Зверства белых.

ТОМСК. «Знамя революции» приводит

выдержку из протоколов следствия по поводу зверского убийства 31 человека, арестованных на Байкале. Арестованных посадили на корму частного парохода, затем, когда пароход вышел на средину, они выводили пленников на край кормы, где стоял палач—казак ударявший колотушкой каждого арестованного по голове, отбрасывая жертвы в Байкал. Убив арестованных палачи поделили их одежду и вещи, и устроили пирушку. Среди убитых—члены учред. собрания: Борис Марков и Павел Михайлов, 13 максималистов, 5 коммунистов, 12 политических центра.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ.

20 апреля в г. Хабаровске назначается Дальневосточная конференция Соц. Рев. Максималистов. Повестка дня: Текущий момент, программные вопросы, тактика союза С. Р. Максималистов, отношение к другим революционным течениям, информация о Советской России и текущие дела. Представительство: 1 делегат от 50 членов, свыше 100 членов—3 делегата. На конференцию приглашаются также и одиночки Максималисты не примкнувшие к организации по тем или другим причинам. Товарищи, все, кому дороги идеи Трудовой Республики, принимайтесь за дело, посылайте делегатов. Адрес: Хабаровск, Исполком Бюро Максималистов.

Продаются портреты борцов казенных за рабоче-крестьянское дело. Бутина, Шумилова, Мухина, Шимановского, Мазурина, Соколова, Пospelова и ряд других. Обращаться в клуб «Интернационал». Бюро максималистов.

Товарищи транспортные рабочие и грузчики. Во время кровавой атаманины ваш союз был одним из наиболее революционных, помогая все время и морально, и деньгами подпольной революционной организа-

ции. И теперь, когда нам так необходимы средства на издание литературы—вы также не оказались глухи к нашему голосу. Союз максималистов приносит вам сердечную благодарность за пожертвованные через тов. Михайлова 3000 р. и через тов. Рыбкина 18,000 руб. Всего 21,000 р.

По делам редакции журнала «Голос Максималиста» нужно обращаться в бюро максималистов дом Кунст-Альберс к заведующему бюро.

На 8 й съезд трудящихся Амурской области от союза С. Р. максималистов избраны Донцов, Ломоносов и Жуковский.

Поступила в продажу газета «Максималист» орган Владивостокского союза С. Р. максималистов. Спросить в бюро союза.

Ко всем товарищам. Товарищи максималисты! Мы обращаемся к вам с просьбой отозваться связями, письмами, явками. Товарищи старые и новые изо всех уголков Дальнего Востока, примкнувшие к партиям и оставшиеся вне партий—за работу. Поддержите наш рабочий орган «Голос Максималиста» статьями, письмами, заметками, установите с нами живую связь. Пишите кто как умеет, мы переработаем.

15

Присылайте в фонд журнала ваши трудовые гроши—кто сколько может. Нас не много, у нас нет средств, но мы не сомневаемся в могучем значении наших идей о безпартийном единении трудового народа вокруг его советов и о социалистической революции, как практической задаче пере-

живаемого нами исторического момента. Товарищи, помните, что «Голос Максимиалиста» чужд всякого примиренчества и соглашательства: он защищает интересы только крестьян и рабочих.

Ред. коллектив.

КАЛЕНДАРЬ МАКСИМАЛИСТА.

1906 г.

7 марта—Экспроприация московского банка; взято 775000 р.

19 июля—Обыск и арест химической лаборатории взрывчатых веществ в Петрограде.

19 июля—Самубийство товарища Маврина при аресте химической лаборатории.

28 июля—Неудачное покушение на генер. Каульбарса в Одессе. Покушавшаяся Тамара Принц застрелилась.

12 августа—Максимиалистами взорвана дача министра внутренних дел—Столыпина на Аптекарск. острове.

28 августа—Убийство жандармского полковника Грибоедова в Гродне.

31 августа—Казнь максимиалиста Владимира Мазурина в Москве.

6 августа—В Швейцарии, по ошибке убит французский банкир Мюллер Татьяной Леонтьевой, вместо Дуново.

14 октября—Экспроприация в Фонарном переулке в Петрограде: взято свыше 600,000 р.

18 октября—Казнь участников экспроприации в Фонарном переулке: Эйхенбаума, Мишина, Кочеткова, Толмачева, Дорофеева, Голубева, Сергеева, Рабиновича в Кронштадте.

18 октября—Казнены за намерение бросить бомбу в здание суда в Кронштадте: Анна Венедиктова, Анастасия Мамаева, К. Власов, Ипатов и Тибилевич.

18 октября—Первая Всероссийская конференция максимиалистов и основание союза социалистов-революционеров максимиалистов.

1 декабря—Арестован Михаил Иванович Соколов—Медведь основатель и теоретик «Максимиализма».

2 декабря—Казнь Михаила Ивановича Соколова—Медведя в Петрограде.

3 декабря—Обыск и арест конспиративной квартиры Климовой; взято 7100 р. денег и печати, Климова скрылась.

Кроме того в 1906 году было:

1) Покушение на взрыв государственного совета;

2) Покушение на графа Витте.

(Окончание следует.)

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Бюро Союза С. Р. Максимиалистов помещается в клубе „Интернационал“ в доме Кунст и Альберс, верхний этаж. Ход с Американского переулка. Постоянное дежурство членов от 9 час. утра до 2 час. дня и с 4 до 7 вечера.

Редакционный коллектив.

ЦЕНА 15 РУБЛЕЙ.

ОБЛАСТНАЯ
ИМЭЛ
ЦК ВКП(б)